

УДК 811.512.141

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ

Мукимова Н.А.

*Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»,
Стерлитамак, e-mail: strbsu@mail.ru*

В исследовании заимствованных слов необходимо проследить пути структурного оформления иноязычных лексических единиц и важно обратить внимание на их словообразовательные особенности. Учитывая теоретические положения о способах образования слов в современном башкирском языке и о структурных особенностях иноязычной лексики, проведён анализ особенностей лингвоструктуры финно-угорских заимствований в башкирском языке. По нашим наблюдениям, большинство заимствований представляет непроемное корневое слово как в языках-источниках, так в языке-адресате. В башкирском языке выявлены слова, состоящие из заимствованного корня и аффиксов языка-адресата, также обнаружены составные, сращенные и парные производные слова, в которых одним из компонентов является финно-угорское заимствование. Таким образом, финно-угорские заимствования включены в морфологическую и словообразовательную систему заимствующего башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, финно-угорские языки, заимствование, словообразовательная структура, производное слово, корневое слово

ABOUT DERIVATIONAL STRUCTURE OF FINNO-UGRIC BORROWINGS IN THE LITERARY BASHKIR LANGUAGE AND ITS DIALECTS

Mukimova N.A.

Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak, e-mail: strbsu@mail.ru

It is necessary to trace the path of the structural design of the lexical units of foreign languages in the study of loan words, besides it is important to pay attention to their derivational features. Taking into account the theoretical propositions about the word formation in modern Bashkir language and structural features of foreign vocabulary, the analysis of linguostructural Finno-Ugric borrowings' features in the Bashkir language is made in the article. According to our observations, most non-derivative loans are the root words in the source language, and in the target language. In the Bashkir language there are words consisting of the root and affixes from the borrowed language, also components, from Finno-Ugric borrowing. Thus, the Finno-Ugric borrowings are included in morphological and derivational system of the Bashkir language.

Keywords: the Bashkir language, Finno-Ugric languages, borrowing derivational structure, a derivative of the word, the root of a word

В башкирском языкознании вопросы словообразования и морфемной структуры слова рассматривались при исследовании отдельных аспектов лексики и грамматики. Они нашли отражение в работах М.Х. Ахтямова, Т.М. Гарипова, Н.К. Дмитриева, Э.Ф. Ишбердина, Дж.Г. Киекбаева, З.Г. Ураксина, А.А. Юлдашева и др. Комплексное и системное изучение всей словообразовательной системы и морфемики башкирского языка принадлежит К.Г. Ишбаеву [4]. Опираясь на его терминологию, определения и примеры, обратим внимание на следующие теоретические моменты.

В башкирском языке слова по своей словообразовательной структуре подразделяются на корневые (непроемные) и на производные. С точки зрения словообразования **корневое слово** – это слово, являющееся первичным по своему происхождению и не имеющее никакого образовательного отношения к другому слову; оно содержит в себе основное лексическое значение (ер – «земля»). Корневое слово состоит лишь из одного корня; при этом в его составе отсутствуют словообразующие аффиксы,

могут быть присоединены только формообразующие и словоизменяющие аффиксы (ер-зэр-зе – «земли»).

По словообразовательным особенностям **производное слово** представляет собой новообразование, возникшее на базе другого слова, словосочетания или целого предложения; оно может состоять из одного корня и словообразующих аффиксов или из сочетания двух и более корней. Имеются следующие типы производных слов:

а) *простое производное слово* (ер-ле «имеющий землю, местный»);

б) *сложные слова* (среди них: сращенное сложное слово (кузалла – «представлять»), составное сложное слово (кара карга – «грач»), парное слово (дус-иш – «друзья-товарищи»), повторительное слово (кузгэ-куз – «с глазу на глаз»), сложносокращенное слово (ЙТТ < Йэш тамашасы театры – «Театр юного зрителя»);

в) *сокращенные слова*: лексическое сокращение (Стэрле (кала) < Стэрлетамак «Стерлитамак»), графическое сокращение (й. < йыл – «год»);

г) *переносное слово* (изэнде буяу – «крашение пола» < төрлө төстәге буяу – «разноцветная краска») [4: 42–56].

Цель исследования. При изучении заимствованных слов исследователями обращается внимание в основном на причины и пути их заимствования, на фонетические аспекты, на особенности семантического освоения. Мы считаем, что необходимо обратить внимание и на словообразовательные особенности иноязычных лексических единиц (в нашем случае финно-угорских заимствований), важно проследить пути их структурного оформления в языке-адресате, т.е. в башкирском языке.

Материалы и методы исследования

При исследовании словообразовательной структуры лексических единиц, определяемых нами как заимствования из восточных финно-угорских языков (марийского, удмуртского, мордовских (мокша, эрзя)), объектом изучения являются заимствования, как ставшие литературными и общеупотребительными, так и зафиксированные в говорах и диалектах башкирского языка. Материал почерпнут из Диалектологического словаря башкирского языка [3]. В скобках дается название говора или диалекта в сокращении, знак < указывает на источник заимствования.

Относительно структурного типа образования заимствованного слова в языке-адресате Ф.А. Ганиев замечает, что к корневым основам относятся не только слова, являющиеся корневыми как в языке-источнике, так и в языке-адресате, но и заимствованные иноязычные суффиксальные и сложные слова (прямые заимствования), ибо данные слова образованы по закономерностям не языка-адресата, а языка-источника [2: 23].

Рассматривая марийские заимствования в татарском языке, И.С. Насипов выделяет их следующие лингвоструктурные виды:

- 1) непрямые заимствования – это:
 - а) однокорневые слова, являющиеся корневыми как в языке-источнике, так и в языке-адресате;
 - б) заимствованные слова, представляющие собой в татарском языке в современном лингвоструктурном оформлении неразложимые основы;
- 2) производные заимствования:
 - а) слова, образованные на основе заимствований с помощью аффиксов;
 - б) сложносоставные слова, образованные на основе заимствований путем сложения основ или путем объединения двух или более слов в одну лексическую единицу;
 - в) слова, образованные на основе заимствований путем конверсии (лексико-грамматические заимствования);
 - г) слова, образованные на основе заимствований путем переосмысления их первоначального значения (лексико-семантические заимствования) [7: 61].

Результаты исследования и их обсуждение

По нашим наблюдениям, большинство финно-угорских заимствований в башкирском языке представляет собой **корневое слово** как в языках-источниках, так и в

языке-адресате. Например, *алан* (сев.-зап.) «аклан (лит.) – поляна, полянка, лужайка» < мар. *алан* «поляна», «специальная вырубка в лесу для поляны», удм. диал. *алан* «лесная полянка, лужайка в лесу»; *баца* «посконь», *паса* (средн.), *паса* (караид.) < морд.э. *пазе* «посконь», морд.м. *пазйя* «кудель», «посконь»; *бот* «бедро, ляжка, бедренная кость» < удм. *пыд* «нога»; *бөшник* / *мөшник* (айск.), *мөшник* (ср. урал.) «пирожок» < удм. *мушник* «наливные шаньги, ватрушки из сдобного теста с начинкой»; *бүкән* (аргаяш., дём., сев.-зап., средн., ср. урал., сакмар.) «табуретка», (аргаяш., кызыл., сакм.) «стул» < мар. *пүкен* «стул», удм. *пукон* «стул, табуретка», коми диал. *пукан джек* «детский стульчик»; *жен* / *жин* / *йен* (дём., сев.-зап., ср. урал.) «пищевод» < мар. *шүн*, *шбн*, *сүн*, коми, удм. *сбн*, фин. *suopi* «пищевод; сухожилие»; *йөн* «шерсть, руно, волосья» < удм. *гон* «пух, шерсть»; *мышкы* (сев.-зап.) «конопля» < морд.м. *мушка* «волоконно», «кудель», морд.э. *мушко* «конопля», «кудель»; *көшөл* «куча, ворох зерна» < мар.л. *кышыл*, мар.г. *кышыл* «куча зерна», «тощее зерно», «отруби», мар.г. *кышыллаш* «сгучивать, сгребать (в одну кучу зерна на току); *кәрәз* «соты», *кәрәс* (кызыл.), *кәрәш* (ик-сакмар.) < морд.м. *кярят* «соты»; *лапач* «навес, сарай, лабаз», *лапач* (дём., сев.-зап., средн.), *лапач* (дём., кызыл., средн., миасс., айск.) «кызыл», морд.м., миасс., айск.) «азбар – хлев» < морд.м., морд.э. *лапач* «навес, крыша»; *мәшкә* (гайн., караид.) «гриб» < морд.э., морд.м. *макшия/мс*, -сь «гнить, превратиться в гнилушку, заразиться гнилью (о дереве и т.п.), зачерстветь», *макшо/макша* «гнилушка», *макшов/макшу* «трухлявый, гнилой, зараженный гнилью»; *өмөж*, *эмеже* (гайн.), *өмөжө* (средн.) «малина» < морд.м. *инези*, морд.э. *инзей* «малина», морд.м. *инзейя* «созревать (о малине)», *вединзей* «ежевика (ягода)»; *пәже*, *пәжей*, *пәзей*, *бәжей* (сев.-зап.), *бәжей*, *бәзей* (караид.) «конопля», *бәзей* (дём.) «свербига» < морд.э. *пазе* «посконь», морд.м. *пазйя* «кудель», «посконь»; *сүре* «катушка, шпулька», *сүре* (кызыл., миасс., ток-соран., сакмар., иргиз.) «цевка», *сүре* (гайн.) «нижняя наволочка», *сүре* (средн.) «игла для вязания сети», *сүре* (кызыл., средн.) «катушка», *сүрә* (сев.-зап.) «переливающийся шелк» < морд.э. *суре*, морд.м. *суре* «нити» и др.

В башкирском языке заимствованием, являющимся корневым словом, но производным (сращенным сложным словом) в языке-источнике, состоящим из сочетания двух корней, можно назвать *билмән* и *койгорош*. Так как *билмән* «пельмени», *пелмин* (гайн.), *пилмин* (гайн., средн.) < удм. «пельнянь»,

где пель «ухо» + нянь «хлеб»; *койгорош* (сев.-зап.) «подхалим» или *кыйгороч* (сев.-зап.) «двуличный» < морд.м. *куйгорож* «змея + птица», миф. «существо, появляющееся в облике человека, животного или птицы» (морд.э. *гуй*, морд.м. *куй* «змея» + морд.э. корш «филин», морд.м. *корож* «сова; сыч»).

Также в башкирском языке можно выделить корневые слова, в которых присутствует один финно-угорский компонент, например, *алабай* (караид.) «*ак сәскә* – ромашка», т.е. *ала* «пестрый» + *бай*, где последний компонент восходит к марийскому слову *вуй* «голова», «колос», т.е. дословно «пестрая голова»; *алабута* «лебедя» < *ала* «пестрый» + *бута*, восходящий к удм. *пыд* «нога», т.е. «пестрая нога».

Среди заимствований из финно-угорских языков можно выделить производные слова, где на основе заимствованного корня при помощи башкирских аффиксов образовались следующие собственно башкирские дериваты: *алан + нык* (сакмар.) «поляна, открытая местность» < мар. *алан* «поляна», удм. диал. *алан* «лесная полянка, лужайка в лесу»; *быж + ык* (сев.-зап.) «вялый, слабый», *быж + ыу* (дём., средн.) «мятый», *бәж + ек* (ср. урал.) «увядший» < морд.э. *пужозь* «вялый, увядший», *пужома* «увядание», *пуж/омс* «вянуть, завянуть», морд.м. *пужема* «увядание», *пуж/емс* «вянуть, завянуть»; *кәр + кеи*, *кәр + кет* «оборы, завязки (у лаптей)» < морд.э. *карь* «лапоть», *карькс* «бечевка», *каркс* «пояс»; морд.м. *карь* «лапоть», *карькс* «оборы – завязки у лаптей», «бечевка»; *лап + ак* «приземистый», *лап + ак* (дём., кызыл., средн., ик-сакмар., айск.) «низкий, низкорослый»; *лап + ал + даиш* (аргаяш., сальз.) «низкий»; *лап + ан + таиш* (сакмар.) «коротконогий»; *лап + аҫ* (средн.), *лап + аиш* (кызыл., сакмар.) «низкий»; *лап + та* (дём.) «широкий, низкий»; *лап + аиш + ыу* (разг.) «становиться более плоским»; *лап + ак* (кызыл., миасс.) «плоскогорье» < мар.г. *лап* «низина», удм. *лап* «пологий», «низкий», «приземистый», коми *ляпкыд* «низкий, мелкий, неглубокий», морд.э. *лапужа* «сплюснутый», морд.м. *лапе* «плоский, плоскость», венг. *лар* «плоский», фин. *ларреа* «тонкая железная пластинка»; *баси + са* (айск.) «высший сорт кудели»; диал. *баҫау* (кизил.) «посконь» < морд.э. *пазе* «посконь», морд.м. пазяй «посконь – мужская особь конопли с тонким стеблем»; *сүрә + кә* «украшенный позументами или вышитый головной убор, надеваемый крещеными татарками поверх платка» < морд.э. *суре*, морд.м. *соре* «нитки».

В гайнинском говоре зафиксировано слово «маль», которое в литературном языке

и в других говорах в основном употребляется в составе, во-первых, **сложносращенных** слов «*кәрт + мәле* – черника», *кәрт + мә* (айск.) «черника», *кәрт + мәле* (кызыл., миасс.) «брусника», *кәрт + мәлин* (миасс.) «*мүк еләге* – клюква», во-вторых, в составе **сложносоставных** слов: «*күк кәртмәле* – голубика, *кара кәртмәле* – черника, *кызыл кәртмәле* – брусника» < общеперм. *tol'i*, коми *нюрмоль* «клюква», удм. *кудымұлы* (куд «болото, болотный» + *мұлы* «ягода, плод»), *нюрмұлы* (нюр «болото, болотный» + *мұлы* «ягода, плод») «клюква», *пушмұлы* (пуш «внутренний» + *мұлы* «ягода, плод») «орех», *тынымұлы* (тыпы «дуб» + *мұлы* «ягода, плод») «жёлудь», *ягмұлы* (яг «бор; боровой, т.е. сосновый» + *мұлы* «ягода, плод») «брусника». Как видно, и в языках-источниках данная лексема «мұлы» употребляется в составе сложных слов.

К **сложносоставным**, где один из компонентов является заимствованием, а другой – собственно башкирским словом, можно причислить ещё следующие лексемы: *лапак ыңғырсак* (ик-сакмар.) «*ятма ыңғырсак* – прямая седелка»; *лапак кар* (караид.) «*ябалак кар* – снег хлопьями»; *сүре йебе* (ик.) «*кәтүк еп* – нитки катушечные»; *сүрә үзәге* (миасс., сакм.) «*шүре энәһе* – ось челнока».

С точки зрения словообразовательной структуры интерес представляют распространённые в диалектах башкирского языка заимствования из морд.э. *дига*, *дыга* «гусь», где к основе заимствованного корня присоединены аффиксы башкирского языка: *дигә-и*, *дигә-с-кәй* (средн.), *тегә-и-кә* (ик.) «междометие отгона гусей» и на их основе образовалось парное слово *дегәшкә-дегәшкә* (сакмар.) «*гал-гал* (междометие зова гусей)».

Рассматривая систему словообразования глаголов в башкирском языке и отмечая одну из особенностей глагольных корней, А.А. Юлдашев пишет: «несмотря на прекращение процесса образования новых звуковых комплексов – глагольных корней и несмотря на значительную малочисленность глагольных корней по сравнению с именными, все более возрастающее множество новых понятий о действии обозначается, как правило, посредством существующего состава корней. Здесь заимствования наблюдаются лишь в исключительных случаях, тогда как среди именных корней при всей их многочисленности широко применяются иноязычные корни» [10: 37]. Так, среди финно-угорских заимствований не наблюдаются корневые глаголы, но можно выделить глаголы, образованные от

заимствованных корней с помощью аффиксов башкирского языка: *быж + ы* «становиться вялым (об овощах)», *бэж + е* (кызыл., ср. урал.) «увядать» (*Бөтә картүктәре бәжсегән.* – Вся картошка завяла. (ср. урал.)) [1: 117; 3: 64-65, 69] < морд.м. пужема «увядание», *пуж/емс* «увянуть, завянуть»; морд.э. *пужозь* «вялый, увядший», пужома «увядание», *пуж/омс* «вянуть, завянуть» (*Пужсть модамарь нетьксне, куяр кодорксне. П. Левчаев, Аляшка цёроки.* – Завяли картофельная ботва, огуречные плети.) [6: 544; 9: 525;]; *төл + э* «линять, линька (о животных, птицах)» [1: 629] < удм. *тылы* «перо (птичьё)» [8: 163].

И.С. Насиповым отмечается, что «на основе заимствованной *ләп* «слабый» в татарском языке при помощи татарских аффиксов образовались собственно татарские дериваты: *ләпшү, ләпшәйү* «вянуть, завянуть (о листьях)», диал. «становиться вялым, дряблым (о мускулах)» (мар.л. *лывыжгаиш*, мар.г. *лывыгәиш* «вянуть, увядать, блекнуть (о листьях, зелени)»; *ляб* коми «невыносливый», «чувствительный к боли», «слабый», «изнеженный»; удм. «слабый, тихий»; морд.м. *ляпе, –пт* «мягкий»; ср. чув. диал. *лөпөшкен* «вянуть», «слабый»); *лапырыш* «вялый, неэнергичный», *ләпештәгән* «изнуренный, утомленный», *ләпеш* «неудавшийся (о хлебе)», *ләпшерәү* «вянуть, стать дряблым (о фруктах, растениях)», *ләпшү* «растекаться (о хлебе)» [7: 62]. Таким же образом можно охарактеризовать следующие лексемы, зафиксированные нами в башкирском языке и его диалектах: *лап + ай* диал. (миасс., айск.) «разваливаться» (*Лапайып тороб утыра.* – Сидит, разваливаясь (миасс.)) [3: 220]; *лап + шай, ләп + шәй* «рассесться, развалиться», диал. (сакмар., ср. урал., айск.) «растягиваться, разваливаться, растолстеть» (*Был майкы йыугас шулай лапшайзы* (айск.). – Эта майка после стирки так растянулась.); *лап + шы* (средн.) «быстро устающая (о лошади)», *лап + шай + т* «растянуть (одежду), разносить (обувь)»; *лап + шы* «рыхлеть (о снеге), становиться дряблым (о мускулах)»; диал. (*аргаяш.*, кызыл., миасс.) «быстро уставать (по отношению к лошади)» [1: 408; 3: 220, 225].

Заключение

Таким образом, изучение словообразовательной структуры слова имеет важное значение для синхронно-диахронического описания словообразовательного механизма заимствования и является одним из этимологических оснований для определения иноязычной лексики. По нашим наблюдениям, финно-угорские заимствования в

башкирском языке и его диалектах по своей структуре, в основном, являются непроемными корневыми словами как в языках-источниках, так и в языке-адресате. Кроме того, выявлены слова, состоящие из заимствованного корня и аффиксов башкирского языка, также обнаружены составные, срощенные и парные производные слова, где компонентами являются слова финно-угорского происхождения. На основе нашего исследования было выявлено, что финно-угорские заимствования включены в морфологическую и словообразовательную систему заимствующего башкирского языка.

Условные сокращения

венг. – венгерский язык
 мар. г. – горное наречие марийского языка
 мар. л. – луговое наречие марийского языка
 мар. в. – верховое наречие марийского языка
 морд.м. – мокшанский язык
 морд.э. – эрзянский язык
 удм. – удмуртский язык
 фин. – финский язык
 аргаяш. – аргаяшский говор Восточного диалекта башкирского языка
 кызыл. – кызылский говор Восточного диалекта башкирского языка
 миасс. – миасский говор Восточного диалекта башкирского языка
 сальз. – сальзигутский говор Восточного диалекта башкирского языка
 айск. – айский говор Восточного диалекта башкирского языка
 дём. – дёмский говор Южного диалекта башкирского языка
 средн. – средний говор Южного диалекта башкирского языка
 ик-сакм. – ик-сакмарский говор Южного диалекта башкирского языка
 сев.-зап. – Северо-западный диалект башкирского языка
 гайн. – гайнинский говор Северо-западного диалекта башкирского языка
 караид. – караидельский говор Северо-западного диалекта башкирского языка
 ср. урал. – среднеуральский говор Северо-западного диалекта башкирского языка
 ток-соран. – ток-соранский подговор ик-сакмарского говора Южного диалекта башкирского языка
 иргиз. – иргизский подговор ик-сакмарского говора Южного диалекта башкирского языка
 сакм. – сакмарский подговор ик-сакмарского говора Южного диалекта

Список литературы

1. Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Рос. акад. наук. Уфимский науч. центр. Акад. наук Республики

Башкортостан; под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – 884 с.

2. Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар әдәби теле: Сүзъясалышы. – Казан: Мәгариф, 2000. – 271 с.

3. Дialeктологический словарь башкирского языка. Рос. акад. наук. Ин-т ист., яз. и лит. Уфимского науч. центра. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

4. Ишбаев К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: учебное пособие. – Уфа: Гилем, 2000. – 247 с.

5. Ишбаев К.Ф., Ишкылдина З.К. Башкорт теленен һүзьяһалыш һүзлеге (Словообразовательный словарь башкирского языка). – Уфа: Гилем, 2005. – 552 с.

6. Mokshansko-russkiy slovar': 41000 slov / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров-Правительстве Республики Мордовия; под ред. Б.А. Серебrenникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова – М.: Рус.яз., Дигора, 1998. – 920 с.

7. Насипов И.С. О лингвоструктурных особенностях марийских заимствований в татарском языке // «Занкиевские чтения»: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2011. – С. 61–62.

8. Тараканов И.В. Удмуртский язык: становление и развитие: Сборник статей. – Ижевск: Удмуртия. 2007. – 288 с.

9. Эрзянско-русский словарь; Ок. 27 000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР; под ред. Серебrenникова Б.А., Бузаковой Р.Н., Мосина М.В. – М.: Рус. яз., Дигора, 1993. – 803 с.

10. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. – М.: Академия наук СССР, 1958. – 195 с.

References

1. Bashkirsko-russkiy slovar': 32000 slov (Bashkir-Russian dictionary: 32000 words). Moscow, 1996. 884 p.

2. Ganiev F.A. Word formation in the modern Tatar literary language. Kazan: Magarif, 2000. 271 p.

3. Dialekrologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka (Dialectological dictionary of the Bashkir language). Ufa, 2002. 432 p.

4. Ishbaev K.G. Bashkirskiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovaniye (the Bashkir language. Morphemes) study. Word formation. Ufa: Gilem, 2000. 247 p.)

5. Ishbaev K.G., Ishkildina Z.K. Slovoobrazovatel'ny slovar' bashkirskogo yazyka (Dictionary of word formation in the Bashkir language. Ufa: Gilem, 2005. 552 p.)

6. Mokshansko-russkiy slovar': 41000 slov (Mokshan-Russian dictionary / edited by. B.A. Serebrennikov, A.P. Feoktistov, O.E. Polyakov M.: the Russian language, Digora, 1998. 920 p.)

7. Nasipov I.S. O lingvostrukturnykh osobennostyakh mariyskiykh zaimstvovaniy v tatarskom yazyke (About linguostructural peculiarities of Mariy borrowings in the Tatar language // «Zankiev readings»: The papers of the Russian scientific-practical conference. Tobolsk:, 2011.–pp. 61–62.)

8. Tarakanov I.V. Udmurtskiy yazyk: stanovlenie i razvitie (The Udmurt language: foundation and development: the collection of articles. Izhevsk: Udmurt. 2007. 288 p.)

9. Erzyansko-russkiy slovar'; Ok. 27 000 slov (Erzyan-Russian dictionary / Scientific research institute of language, literature, history and economy; edited by B.A. Serebrennikov, R.N. Buzakova M.V. Mosina. M.: the Russian language, Digora, 1993. 803 p.

10. Yuldashev A.A. Sistema slovoobrazovaniya i spryazheniya glagola v bashkirskom yazyke (The system of word formation and conjugation of a verb in the Bashkir language. M.: the Academy of science USSR, 1958. 195 p.

Рецензенты:

Саляхова З.И., д.ф.н., доцент кафедры башкирского языка, декан факультета башкирской филологии, СФ БашГУ, г. Уфа;

Абдуллина Г.Р., д.ф.н., профессор кафедры башкирского языка, СФ БашГУ, г. Уфа.

Работа поступила в редакцию 19.12.2013.